

**Д. Л. Островкин**

ассистент кафедры истории России, Уральский государственный педагогический университет;  
620017, Российская Федерация, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26;  
e-mail: ostrovkin.denis@yandex.ru

## **ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ВЛАСТИ И МЕДИЦИНСКОГО ПЕРСОНАЛА НА УРАЛЕ В ГОДЫ РЕВОЛЮЦИИ (ОКТЯБРЬ 1917 – ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА 1918 гг.)**

В статье автор анализирует изменения в стратегии поведения советской власти по отношению к врачебному персоналу на примере Урала, выявлены особенности кадровой политики в сфере медицинского обслуживания населения перед Гражданской войной.

**Ключевые слова:** медицина, здравоохранение, государственная политика, Октябрьская революция.

**D. L. Ostrovkin**

Assistant of the Department of History of Russia, Urals State Pedagogical University

## **RELATIONSHIP OF POWER AND MEDICAL PERSONNEL ON THE URALS IN THE YEARS OF THE REVOLUTION (OCTOBER 1917 - FIRST HALF OF 1918).**

In the article the author analyzes the changes in the strategy of the behavior of the Soviet authorities in relation to medical personnel on the example of the Urals, the peculiarities of the personnel policy in the sphere of medical services to the population before the Civil War are revealed.

**Keywords:** medicine, health, state policy, October Revolution.

Политика большевистского руководства на региональном уровне в первые месяцы после прихода его к власти до сих пор не получила достаточного освещения в исторической литературе. Хотя именно в это время начинает происходить ожесточенное столкновение различных противоборствующих сил, стоящих на разных «политических платформах». Не стали исключением и «люди в белых халатах», в результате чего медицинское сообщество оказалось расколото. Особый интерес представляет изучение этой темы, т. к. Урал в этот период был одним из центров гражданского противостояния.

Первоначально, после Октябрьской революции, с ликвидацией земств все врачи и средний медицинский персонал продолжали работать на своих местах. Автор «Очерков по развитию медицины и здравоохранения на Среднем Урале» В. Т. Селезнева утверждает, что ей не удалось выявить ни одного случая, когда бы врачи по политическим мотивам отказались от работы. Для большинства врачей важнейшим принципом было бережное отношение к достигнутым успехам земско-медицинского прошлого [9, с. 9-10]. К примеру, в Челябинске продолжили работу городской врач С. Е. Мазин, уездный врач А. М. Киркель. В результате, после прихода к власти большевиков, врачебный персонал продолжил работу и был занят в аппарате управления медициной. Так, в состав медицинской коллегии Пермского губернского врачебно-санитарного отдела вошли ведущие деятели земской медицины. Председателем коллегии был избран И. К. Курдов – видный организатор, начинавший свою деятельность участковым врачом в Красноуфимском уезде, а позднее возглавлявший санитарное бюро Пермского губернского земства.

В свою очередь большевистское руководство также не проводило активную политику вмешательства в дела медицинского персонала. В докладе о состоянии медицинской помощи в 1917 г. в Челябинском уезде, который был подготовлен в январе 1919 г. земскому собранию, в период, когда белогвардейцами были восстановлены все дореволюционные органы управления, отмечалось: «В 1917 г. крупных перемен в организации медицины Челябинского уезда не произошло. Медицинская помощь населению оказывалась теми же 12 врачебными и 20 фельдшерскими участками, что и в предыдущем году, с имевшимся в них персоналом» [6, л. 2]. Можно предположить, что подобные факты были типичны и для других регионов Урала, т.к. земства, как органы управления были ликвидированы только весной 1918 г.

Мы считаем, что такое отношение врачебной общественности к советской власти осенью 1917 г. обусловлено тем, что большинство уральских медицинских работников считали созданное большевиками советское правительство «временным» и связывали будущее страны с созывом Все-

российского Учредительного собрания. Вплоть до III Всероссийского съезда Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов 10 января 1918 г., «временным» своё правительство считало и большевистское руководство. Поэтому создание советских органов государственного управления, в том числе местных, в полном объеме началось лишь в начале 1918 г. Кроме того, до апреля 1918 г. продолжали функционировать выборные органы местного самоуправления – городского и земского, активно участвовавшие в финансировании школ и больниц.

Большевики же после созыва III Всероссийского съезда Советов приступили к формированию советских органов местного управления, в том числе здравоохранением. К примеру, в марте 1918 г. после ликвидации городской управы были созданы 11 комиссариатов при Екатеринбургском совете рабочих и солдатских депутатов, в том числе и комиссариат здравоохранения [10], который возглавил П. П. Краснов, бывший член городской управы [3, л. 3].

После упразднения системы земского самоуправления в апреле 1918 г. были сформированы уездные комиссариаты. Екатеринбургским уездным комиссаром по народному здравоохранению стал бывший фельдшер В. П. Горохов [4, л. 1], Верхотурский – фельдшер М. И. Засецкий, Камышловский – учитель Полузадов [5, с. 67], Екатеринбургский городской отдел – бывший член Управы П. П. Краснов [3, л. 3]. Отсутствие врачей в составе советских чиновников уездного масштаба было явлением типичным и спланированным большевистским руководством для того времени – руководящие посты в системе органов здравоохранения заняли советские активисты.

Именно с весны 1918 г. отношения врачебной общественности и советского руководства начинают открыто ухудшаться. Это проявилось уже на проходившем в Екатеринбурге с 15 по 24 мая 1918 года первом Уральском областном съезде по здравоохранению, на котором разгорелась острая политическая полемика. Протоколы свидетельствуют о том, что на съезде присутствовал 131 делегат со всего Урала, однако врачей их было только 56. Избранная съездом мандатная комиссия предоставила большинству медицинским работникам право решающего голоса, но областной комиссар здравоохранения Н. А. Сакович изменил уже оглашенное решение комиссии, и многие врачи были этого права лишены. В ответ на протесты врачей товарищ комиссара В. Д. Хирин в своем докладе голословно обвинил их в саботаже, в результате чего часть из них покинула съезд.

Возмущенные врачи выступили на съезде со следующим заявлением: «Признавая в интересах населения необходимым контакт и добросовестное сотрудничество с советской властью, мы, врачи, прибыли на конференцию в надежде своими знаниями и опытом помочь в деловой работе, а для большей продуктивности решили быть строго аполитичными... Врачи, члены фракции, вынужденные уйти с конференции приложат все свои силы к тому, чтобы и в дальнейшем, в совместной работе с Советской властью на местах, выполнить свою обязанность перед трудовым народом».

На съезде осталось только 29 врачей, которым было предоставлено право решающего голоса. Присутствовавший на съезде представитель Главного военно-санитарного управления т. Хазанов пытался исправить ошибку руководителей съезда. На последующем заседании он выступил с внеочередным заявлением. «Считаю своим долгом отметить, сказал он, – что врачебные учреждения и организации проявили большой интерес и готовность работать под руководством Советских учреждений. Это, помимо заявления на съезде представителей этих учреждений, доказывается уже самим фактом столь многочисленного их представительства. Необходимо, в интересах медико-санитарного дела допустить к работам съезда не только стоящих на Советской платформе, но и согласных работать с советской властью» [2, л. 11].

С резкой критикой руководителей Облздравотдела выступили уфимский губернский комиссар здравоохранения Сентищев и комиссар здравоохранения Нолинского уезда Ратнер. Однако руководители съезда остались при своем мнении. Буквально на другой день после окончания его работы, 25 мая 1918 года, начался мятеж чехословацкого корпуса. Разгоралась Гражданская война. 25 июля Екатеринбург заняли белые. Облсиполком, а вместе с ним и отдел здравоохранения, были эвакуированы в Пермь.

Стремление принизить роль врачей в решении вопросов здравоохранения было грубой политической ошибкой руководителей областного отдела здравоохранения. Руководители Уральского отдела здравоохранения не стремились к совместной работе с врачами. Эта изоляция привела к тому, что спустя год после освобождения Урала от «белогвардейских правительств» с отступавшими войсками Колчака уходили и большинство медицинских работников. Так, в Екатеринбургской губернии остался всего 21 врач из 120 имевшихся работников в довоенное время [5, с. 69]. Схожая ситуация была и в других районах Урала. К примеру, в Челябинской губернии в 1919 г. насчитывалось 10 врачей [7, л. 1-4]. Однако среди оставшихся были и врачи с многолетним стажем, известные среди населения – С. П. Шишов, Л. В. Лепешинский, В. А. Падучев, В. М. Онуфриев, А. М. Новиков, С. А. Миславский. Некоторые из них, как директор Екатеринбургского родильного дома, получившего в 1916 году статус повиваль-

но-гинекологического института, А. М. Новиков даже проигнорировал отданное при отступлении белых распоряжение Колчака об эвакуации всех лазаретов и больниц с их имуществом и персоналом. Алексей Митрофанович оказался почти единственным из руководителей-медиков Екатеринбурга.

Однако, несмотря на довольно широко распространенное мнение, что «вся медицина Урала бежала с Колчаком», архивные материалы свидетельствуют о том, что такая точка зрения не соответствует действительности. Еще задолго до захвата Перми Колчаком значительная часть врачей и большая часть средних медицинских работников, студентов-медиков ушли добровольцами в Красную Армию. Из Осинского уезда почти весь медицинский персонал был эвакуирован в г. Арск и затем в Казань. В Оханском уезде персонал Рождественской и Нытвенской больниц также эвакуировался при отходе Красной армии [1, л. 5]. Из Соликамского уезда эвакуировались с Красной Армией врачи М. М. Миславская, В. А. Герман, П. С. Копылов и 18 фельдшеров, из Красноуфимского – земские врачи Н. А. Сергеев и Э. Л. Сенкевич [8, с. 73-74].

Таким образом, в период с приходом к власти большевиков осенью 1917 г. до начала широкой масштабной Гражданской войны летом 1918 г. на Урале советские органы управления учреждениями здравоохранения уже в это время проявляют элементы насилия в политике по отношению к врачам. Однако оно еще не приняло форму жестких репрессий, которые стали распространёнными впоследствии. Именно в это время усиливается раскол во врачебном сообществе на противников и сторонников советской власти.

### Литература

1. Государственный архив Пермского края. – Ф. 15. – Оп. 1. – Д. 200.
2. Государственный архив Свердловской области (далее – ГАСО). – Ф. 62. – Оп. 2. – Д. 18.
3. ГАСО. – Ф. 62. – Оп. 2. – Д. 28. – Л. 3.
4. ГАСО. – Ф. 64. – Оп. 1. – Д. 7. – Л. 1.
5. Гудошников Ф. Ф. Новоселов Р. С. Из истории становления советского здравоохранения на Урале // Советское здравоохранение. – 1968. – № 1. – С. 66-69.
6. Объединенный государственный архив Челябинской области (далее – ОГАЧО). – Ф. Р-1542. – Оп. 1. – Д. 131.
7. ОГАЧО. – Ф. Р-1542. – Оп. 1. – Д. 33.

**УДК 94(470.58)"1841-1843"**

**Т. Г. Павлуцких**

аспирант исторического факультета, Курганский государственный университет;  
640000, Российская Федерация, г. Курган, ул. Советская, 63; e-mail: dobro\_rg45@mail.ru

### **К ВОПРОСУ О ПРИЧИНАХ КРЕСТЬЯНСКИХ ВОЛНЕНИЙ В ЗАУРАЛЬЕ В 1841-1843 гг.**

В статье рассматриваются сложность и актуальность крестьянского вопроса в России, выбор пути его решения. Основные причины крестьянских выступлений в Зауралье в 1841-1843 годах; действия участников выступлений и должностных лиц органов местного самоуправления, их мотивы. Работа основана на отчетных документах очевидцев событий, взятых из архивов.

**Ключевые слова:** картофельные бунты, крестьянство, государственные крестьяне, крестьянские волнения, коллективные представления, Зауралье.

**T. G. Pavlutckikh**

Post-graduate student of the historical department, Kurgan State University

### **TO THE QUESTION ABOUT THE CAUSES OF PEASANT UNREST IN THE URALS IN THE YEARS 1841-1843**

The article discusses the complexity and urgency of the peasant question in Russia, the choice of ways of its decision. The main reasons for peasant uprisings in the Urals in the years 1841-1843 and the actions of the participants of the exhibition and officials of local self-government bodies, their motives. The work is based on the reporting documents of witnesses of events taken from the archives.